

Распутин В

28/IV/1984

Валентин Распутин

# Твой сын, Россия...

Василий Шукшин! При этом имени что-то всякий раз с такой силой вздрагивает и обмирает, чего мы, кажется, в себе и не знаем. Сознание наше, когда мы обращаемся к нему за разъяснениями, отсылает нас к чувству, чувство робеет: нет, это не у меня, это где-то дальше. И, пожалуй, самое близкое, с чем рядом может быть поставлено это ощущение, — какая-то невольная, незатухающая вина перед Шукшиным, стыд, сравнимый разве со стыдом за невыполненное обещание. Что-то мы не сделали после Шукшина, что-то необходимое и важное в чем-то, за что он бился, мы его не поддержали. И это при том, что слава его теперь, спустя десять лет после смерти, стала не меньше, а больше, чем была, слава его, по мере переиздания книг и появления новых поколений читателей и зрителей, значительно расширилась и углубилась, установилась в надежном своем качестве, и те, кто склонен был объяснить популярность Шукшина его преждевременной смертью и сердобольностью русской души, а то и определенной модой на Шукшина, вынуждены теперь призадуматься: дело, очевидно, в другом, нежели им представлялось...

Дело, разумеется, в другом — и не видеть, не понимать это с самого начала было по меньшей мере близоруко. Даже и слава его требует уточнения: она не есть нечто навязанное со стороны, когда от многократного назойливого склонения

имя невольно застревает в мозгу. Нет, она есть результат внутреннего отклика каждой души на явление Шукшина, результат огромной, не часто случающейся в народе по отношению к художнику любви к нему. Для этого мало быть замечательным писателем и замечательным актером и режиссером кино, для этого надо значить для множества читающих и думающих людей нечто большее.

М. А. Шолохов сказал о Шукшине: «Не пропустил он момент, когда народу захотелось сокровенного. И он рассказал о простом, не героическом, близком так же просто, негромким голосом, очень доверительно. Отсюда взлет и тот широкий отклик, какой нашло творчество Шукшина в сердцах многих тысяч людей...»

В этих словах важнее всего замечание о «моменте, когда народу захотелось сокровенного». Если понимать еще под сокровенным чувство правды и жажду правды. А это так, и именно так, и следует понимать. Ни о чем больше с такой болью и с такой уверенностью не говорит и не повторяет Шукшин, ничто не утверждает с таким постоянством на протяжении всех 15 лет работы, как Народ и Правда. Говорит и утверждает, не боясь высоты и громкости этих понятий, сближает человека с народом, дотягивается до правды искренностью и горячностью. Нам не дано измерить расстояния, на которые произошло сближение, но то, что оно

произошло, мы должны были почувствовать.

«Нравственность есть правда, — писал Шукшин. — Не просто правда, а — Правда. Ибо это мужество, честность, это значит — жить народной радостью и болью, думать, как думает народ, потому что народ всегда знает Правду».

...В долгой и сложной своей судьбе народ неминуемо проходит и через болезни, и через сомнения и испытания, и все это, в определенном смысле, даже может способствовать его нравственному очищению и гражданскому возбуждению. Нет в свете таких бед, которые не в состоянии был бы превозмогнуть народ, если он правильно, в соответствии со всем ходом его исторического движения и духовного согласия, организован и нацелен. И только одно может иметь для любого народа самые тяжелые и непоправимые последствия: самодовольство поколения или нескольких поколений, забвение корней своих, сознательный или бессознательный разрыв с многовековым опытом прошлого, ведущие через последующие связи к утере национального чувства и исторической памяти, к разобщению, обезличенности и безродности. Тогда и народ — население, и родина — место жительства и прописки, тогда мы перестаем слышать другого человека и остаемся одни. Глухота к ближнему грозит затем общей глухотой и вседозволенностью. Человек принимает се-

бя за случайность и уповает на случайность, случай превращается у него в судьбу.

«Чудик» у Шукшина и есть тот самый характер, тот самый человек, который не выдерживает бесприютного одиночества и вслепую, неуверенно и судорожно ищет пути, чтобы быть вместе с народом и из холодного понятия вернуться в живую его плоть, чтобы, не довольствуясь ценностью физического существования, получить духовное значение. Свобода, за которую так ратует человек, в людях, не имеющих общей и выверенной цели, ведет к уродству. По-настоящему свободна личность только в народе, только там ей просторно и вольно, в нем, в неискривленном и продолжающемся пути его находит она свой смысл и вечность.

Незадолго до смерти Шукшин писал: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвел в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброту... Уверуй, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наши страдания, — не отдавай всего этого за понюх табаку. Мы умели жить. Помни это. Будь человеком».

«Будь человеком»... Все, что сделано Шукшиным в искусстве, освещено у него этим требовательным понятием, этой страстью и этой болью, которым он заставил

внимать всех — кто умеет и не умеет слушать. Не было у нас за последнее десятилетие другого такого художника, который бы столь уверенно и беспощадно врывался во всякую человеческую душу и предлагал ей проверить, что она есть, в каких просторах и далях она заблудилась, какому поддалась соблазну или, напротив, что помогло ей выстоять и остаться в верности и чистоте. Читателем и зрителем Василия Шукшина была и есть вся Россия, вся страна, от самых высоких умов до самых падших душ: его талант — это тревога, отчаяние и вера всепроникающей совести, ищущей оставленные в каждом человеке следы.

И вот в этом-то, в предельной напряженности слова и объединяющей его силе — мы, кажется, не сумели достойно поддержать Шукшина. И мы говорим о том же, но спокойней и отстраненней... Литература после Шукшина вернулась в свое обычное русло. Он же умел, не теряя красоты и проникновенности искусства, довести ее до пропагандной остроты и тревоги, то разрушающей всякое равнодушные силы, то аввакумовской страсти.

Нам так нужен был Шукшин — и он пришел, сделал свое дело талантливо и честно, не жалея себя, и, надорвавшись за этим запущенным делом, преждевременно ушел, показав, как необходимо художнику жить, работать и думать во имя народа и правды.

Сек. культуры, 1984, 28 апреля, № 90. С. 8